

— Ломо, кто ты такой на самом деле?

В беспросветной ночной глуши меч в руке Бай Чуи медленно поднялся, указав острием на Ломо.

Увидев это, Бай Цзинье окончательно запутался:

— Что?! Что она несёт? Что здесь вообще происходит?!

Бай Чжу прикрыл ухо ладонью и слегка отстранился:

— Всё ведь предельно ясно. Она имеет в виду, что тело Ломо и его душа принадлежат разным людям.

— Хочешь сказать, какая-то тварь забралась в труп мастера созидания, чтобы воскреснуть? — опешил Бай Цзинье.

— Именно.

— Чушь собачья.

—... В чём же чушь?

— На дворе сто двенадцатый год по календарю культивации! Имейте совесть, давайте хоть немного верить в науку!

Бай Чжу промолчал. Он искренне не понимал, где именно в этом безумном мире скрывается наука.

— После смерти все души возвращаются к Небесному Дао и растворяются в мире, — продолжал разглагольствовать Бай Цзинье. — Даже величайшие мастера древности способны оставить после себя разве что осколок божественного сознания. Откуда взяться целой, невредимой душе? Смерть есть смерть, и культиваторы тут не исключение. Будь иначе, наш великий Предок Бай, при всей его нечеловеческой мощи, за прошедший век хоть раз да заглянул бы в родные пенаты! Да если бы он взял и вернулся в чьём-то теле, я, Бай Цзинье, прямо здесь расшиб бы лоб в сотне земных поклонов!

Бай Чжу деликатно промолчал. Отвечать на вопрос, почему Предок Бай до сих пор не соизволил явиться домой, он не собирался. В конце концов, дураков нет — кому охота добровольно возвращаться на каторжную работу и вкалывать бесплатно?

Тем временем Ломо поднял взгляд на Бай Чуи:

— А-Чу, о чём ты говоришь?

— Можешь помалкивать, если не хочешь отвечать. Я сама всё скажу.

Бай Чуи опустила оружие. Аккуратно уложив парные клинки рядом с собой, она опустилась прямо на сырую землю. Если бы Ломо не зажимал ладонью кровоточащую рану, со стороны их можно было принять за обычную влюблённую пару, ведущую неторопливую беседу.

— Мечники закаляют не только клинки, но и собственное сердце, — спокойно заговорила она. — Я привыкла идти напролом: делать то, что должно, и брать то, что хочется. Едва завидев тебя, я сразу всё для себя решила. Против собственного сердца не пойдёшь.

Взгляд Ломо потеплел:

— А-Чу...

— Погоди таять, я здесь не для того, чтобы миловаться, — оборвала его Бай Чуи. — Да, я влюбилась. Но душой никогда не была, а потому навела о тебе справки.

Ломо промолчал.

— Хоть для нас все жители Северной Европы и на одно лицо, ты мне показался на редкость симпатичным. Перед тем как отправиться за тобой в Ляочэн, я всё-таки докопалась до правды. Настоящий мастер созидания из Асгарда давно испустил дух. К тому же он не отличался твоей кротостью... — Бай Чуи скользнула взглядом по рваной ране на груди мужчины. — И уж точно не смог бы пережить удар мастера сферы Прорыва видения. Я ведь била наповал. Неужели ты ничего не почувствовал?

Ломо растерялся. Дыра в его груди стремительно затягивалась, края плоти срастались сами собой. На его лице отразилось искреннее недоумение:

— Но... почему те, кто любят друг друга, пытаются друг друга убить?

— Сентиментальный дурак вроде тебя, готовый ночами напролёт пересматривать «Лян и Чжу» и проливать горячие слёзы, явно не дорос до таких экзистенциальных вопросов, — Бай Чуи небрежно заправила выбившуюся прядь за ухо. — Помнишь, я рассказывала, как пробралась во Второе измерение семьи Бай? Я видела защитный массив Одинокого взгляда. И когда мы встретились впервые, я сразу поняла, откуда у тебя те раны. На тебя никто не нападал. Ты просто попытался дотронуться до Одинокого взгляда и попал под удар массива. Верно?

Ломо вздрогнул:

— Ты всё знала... Тогда зачем спасла меня?

— Потому что мне было плевать, кто ты. Пришелец из Асгарда или мастер созидания из Ляочэна — какая разница, если ты не совершил ничего дурного? А что касается твоих посягательств на Одинокый взгляд... Глупцов, желающих прибрать к рукам этот клинок, каждый год рождается столько, что очередь растянется от Лочжоу до самого Цзинду. Одни нашли свою смерть под ударами массива, другие теперь гниют в казематах Лиги.

Бай Чуи вздохнула.

— Но скажу честно: истинное оружие признаёт лишь одного господина за всю жизнь. В чужих руках оно превращается в бесполезный кусок ржавого железа. Тем более Одинокый взгляд — меч со своей волей. Кто знает, что на самом деле охраняет тот великий массив: древний клинок или чью-то вековую тоску.

Произнося эти слова, Бай Чуи словно устремила взор сквозь пелену прошедших лет — Бай Чжу показалось, будто её взгляд на мгновение скрестился с его собственным.

— Но моему равнодушию пришёл конец ровно час назад, — добавила она, резко повернувшись к Ломо. — Мне неважно твоё происхождение, но это не значит, что я стану потворствовать твоим бесчинствам. Ломо, что ты задумал?

Ломо угрюмо молчал. Прошло немало времени, прежде чем он глухо спросил:

— А-Чу, почему ты решила, что за всем этим стою именно я?

— Ты сам себя выдал.

— Я?

— Ни одна угроза не способна укрыться от моих серебряных колокольчиков. Даже ты.

Ломо уставился на тонкое серебряное плетение, украшающее её щиколотку. Спустя долгие мгновения он закрыл лицо ладонью и тихо, надрывно рассмеялся — хотя этот смех больше походил на плач.

— Колокольчики звенят, когда приближается скрытая опасность, — продолжала Бай Чуи. — Они заливаются звоном, если рядом оказывается враг сильнее меня, замысляющий недоброе. Но тогда, на крышах, когда я преследовала тебя... они промолчали.

Ломо наконец отнял ладонь от лица и посмотрел на неё:

— А-Чу, я не могу ничего открыть тебе. Иначе ты погибнешь.

— С тех пор как я покинула семью Бай, я и так одной ногой стою в могиле. Придумай оправдание получше.

— Это не просто отговорка, — Ломо отчаянно сжал её ладони, в его голосе сквозила паника. — А-Чу, ты даже представить себе не можешь, какие силы таятся в глубинах этого мира. Да, эти пилюли создал я. Обычный человек, приняв их, обретает дар культивации, а сильный становится ещё сильнее. Им суждено разлететься по всем закоулкам Ляочэна, а затем и по всему миру. Никто не в силах это остановить! Тебе с этим не совладать. Пойдём со мной. Мы уйдём вместе, и наша маленькая семья заживёт как прежде.

Бай Чуи медленно, палец за пальцем, высвободила свои руки. Голос её оставался пугающе спокойным:

— Так вот ради чего ты разыграл этот спектакль? Чтобы выжить меня из Ляочэна? Ты нарочно показался у школьных ворот, зная, что я брошусь следом и вернусь в лавку. А перед этим подговорил ту несчастную мать, приказав свалить всю вину на меня в обмен на обещание воскресить её сына. Жаль, она так и умерла в неведении, что вернуть мертвеца невозможно.

И ведь перед самой смертью она уверяла, что Бай Чуи — хороший человек.

Так уж устроен человек: ни праведником стать не может, ни злодеем до конца быть не умеет.

— Ты довёл несчастную женщину до безумия, чтобы лишить меня возможности оправдаться и вынудить бежать с тобой. Но прости: пусть мне даже придётся гнить в застенках Лиги, я не брошу на произвол судьбы триста тысяч жителей Ляочэна. Отвечай, кто стоит за твоей спиной?

Лицо Ломо мгновенно утратило последние краски. Он медленно кивнул:

— Я знал, что ты не уступишь так просто. Но участь Ляочэна предрешена — он превратится в город мёртвых. Я спрятал тысячи пилюль в самых укромных местах. Этой ночью они попадут в водопровод и пищу. Всё повторится, как в дни великого духовного пробуждения: привычный порядок рухнет в один миг.

— А-Чу, я достиг сферы Преображения. Если ты упрямо решишь вернуться, я остановлю тебя любым способом.

С этими словами Ломо резко указал пальцем в пустоту. Из разверзшегося воздуха с металлическим скрежетом хлынули бесчисленные призрачные цепи.

Бай Чуи взмыла вверх, уклоняясь от удара. Две ослепительные серебряные вспышки со свистом сорвались с её плеч — парные клинки столкнулись со стальными звеньями. Оглушительный звон и снопы искр заполнили пространство. Движения противников слились в безумный, смертоносный танец, за которым невозможно было уследить человеческим глазом.

Они сошлись в бою впервые. Битва культиваторов столь высокого уровня действительно могла сокрушить горы и расколоть небеса. Даже здесь, в пространстве иллюзии, их яростная духовная сила давила на плечи так, что невозможно было поднять головы.

Паря в воздухе, Бай Чуи мимолётным движением сорвала тонкую ветку и небрежно заколола мешающие длинные волосы. Левый клинок расчищал ей путь, круша и отбрасывая преграды, а сама она взбежала прямо по натянутым звеньям цепей навстречу врагу. Оказавшись перед самым лицом Ломо, она обрушила правый меч в сокрушительном ударе.

Весь мир на мгновение ослепительно вспыхнул. Земля с оглушительным рокотом разошлась глубокой трещиной, протянувшейся на многие мили вокруг.

Когда дым и пыль рассеялись, взору предстала жуткая картина. Ломо стоял, зажимая обрубок истекающей кровью руки. Прямо перед ним, зависнув в воздухе, задыхалась Бай Чуи. Тяжёлая призрачная цепь насквозь пронзила её ключицу, удерживая тело на весу. Она тяжело, с хрипом выплюнула алую кровь, но даже теперь её правая рука не дрогнула. Клинок по-прежнему смотрел вперёд, застыв в ничтожном волоске от горла Ломо.

— Сдайся. Никому не под силу превзойти хозяина в его собственной Области преобразования, — Ломо закинул голову, глядя на неё сквозь частокोल зависших в небе цепей. — Тебе меня не убить, а я не хочу причинять тебе вред. Мне больно видеть нас такими.

Но Бай Чуи вдруг рассмеялась. Её смех зазвучал так же дерзко и свободно, как в тот день, когда её клинок впервые прорубил путь сквозь небесную твердь.

Дурное предчувствие кольнуло сердце Ломо:

— А-Чу... почему ты смеешься?

— Если я что-то задумала, то обязательно доведу до конца. И кто тебе сказал, будто я пытаюсь пробиться обратно в Ляочэн? — она вскинула голову, и в глазах её сверкнул опасный огонёк. — Моей целью с самого начала был только ты.

Ломо растерялся, но уже в следующее мгновение осознание поразило его, и лицо исказилось от ужаса. Было слишком поздно.

Где-то в вышине глухо, как поминальный колокол, зазвенел древний гул. Звуковая волна раскатилась со всех сторон, сокрушая саму основу пространства. Ломо вскинул голову и

похолодел: прямо над ними, выстраиваясь в бесконечные круги, нависли бесчисленные запечатывающие символы.

Запечатывающий массив.

Духовная энергия Ломо стремительно таяла. Невидимая колоссальная тяжесть заставила его рухнуть на одно колено:

— Ты хочешь запечатать меня?!

— Во всём мире едва наберётся два десятка мастеров Преображения. Я понятия не имею, откуда ты пришёл, но если бы ты захотел стереть Ляочэн с лица земли, остановить тебя в одиночку действительно было бы некому. Даже выложившись без остатка, я сумела лишить тебя лишь руки — и то лишь потому, что ты щадил меня. Но если я пожертвую собственной душой, сил хватит, чтобы сковать тебя вечной печатью. А когда ты наконец вырвешься, найдутся другие, кто оборвёт твою жизнь.

Бай Чуи вдруг слабо улыбнулась:

— Ломо, посмотри по сторонам. Разве тебе не кажется это место знакомым?

Преодолевая давящую тяжесть, Ломо огляделся. Вокруг простиралась непроглядная мгла. Ляочэн вдали казался безжизненным призраком, погружённым в вечный сон. В этой бескрайней пустоте существовали лишь они двое.

Ломо содрогнулся всем телом:

— Это же Второе измерение! Ты... ты изменила координаты телепортационного массива!

Они вовсе не сбежали на окраину города. С самого начала они находились во Втором измерении Ляочэна.

Бай Чуи тихо рассмеялась:

— Если я смогла прорубить дверь во Второе измерение семьи Бай, что мешало мне проделать то же самое здесь? И пока мы развлекались, Лига наверняка уже уничтожила все твои запасы. Так что возвращайся-ка туда, откуда явился.

Ломо отчаянно мотнул головой:

— А-Чу, остановись, пока не поздно! Одной твоей души не хватит, чтобы удержать меня

взаперти!

— Одной меня действительно мало. Но как насчёт них?

В бесцветной тьме по границам колоссального круга вспыхнули яркие точки. Одна, две, десять... Всё больше и больше сияющих огней прорезали мрак. Это были люди. И каждый из них являлся культиватором ранга А!

— Думаю, ты их знаешь, — с нежностью в голосе произнесла Бай Чуи. — Все они частенько заходили в мою лавку погреться. Открою тебе секрет: больше десяти лет назад семья Бай начала тайно направлять сильнейших мастеров в обычный мир. Они должны были первыми вставать на пути грядущих катастроф и оберегать покой простых людей. Этот замысел назвали проектом «Небесная сеть», и именно я возглавила его. Затеряться среди толпы, стать невидимым щитом для беззащитных и спасти жизни — вот ради чего я ушла из семьи Бай.

Ломо не нашёл слов.

Призрачные оковы дрогнули и безвольно опали. Бай Чуи скользнула вниз, мягко коснувшись ногами земли. Повернувшись к стоящим во тьме фигурам, она низко поклонилась:

— Друзья... Сегодня вы отдаёте свои жизни за моё дело. Мне нечем отплатить вам за эту жертву.

— О чём речь, старшая сестра? — раздался чей-то тёплый смех из темноты. — Для этого мы и прибыли в Ляочэн.

— Только давай договоримся, старшая сестра Бай: в следующей жизни больше никаких забегаловок, ладно? — подал голос совсем юный парень.

— Сгинуть, но утереть нос самому мастеру Преображения? Да за такую славу и умереть не жалко! — громогласно расхохотался пожилой культиватор.

В самом сердце бушующего вихря Ломо в ужасе смотрел на происходящее. Крупные, горячие слёзы катились по его щекам, а он даже не замечал их:

— А-Чу, умоляю, я не хотел этого! Остановись!

Собственная духовная энергия Бай Чуи тоже начала стремительно рассеиваться, превращаясь в мириады сияющих искр, уносящихся в темное небо, словно шлейф далёких комет. Она опустилась перед ним на колени, бережно обняла его лицо ладонями и прижалась губами к его лбу.

— Я целую тебя, потому что люблю. Но я запечатаю тебя, потому что обязана спасти Ляочэн.

Ломо окончательно сломался:

— А-Чу, я виноват! Я совершил ужасную ошибку! Я всё прекращу, прямо сейчас!

— Но тогда ты погибнешь, — прошептала она. — Ведь так?

Ломо замер. Возразить было нечего.

— Мне тоже не нравится такой исход, — грустно улыбнулась Бай Чуи. — Как и тебе не давал покоя печальный конец в «Лян и Чжу». Мне правда всё равно, кто ты под этой маской. Пусть всё закончится так. В конце концов, кто-то должен взять на себя этот груз.

Среди яростно ревущего духовного вихря Ломо медленно, дрожащими руками обнял свою суженую в ответ.

В тот миг, когда Великий запечатывающий массив с грохотом сомкнулся над ними, в его памяти вдруг всплыли строчки старой пьесы, которую он услышал, едва прибыв в Ляочэн:

* «Коль Интай — не девица, откуда на мочках нежных следы от серёг?»*

Тогда кем же был он сам?

Пожалуй, это больше не имело значения.

Ляочэн

Сквозь стену проливного дождя в ночной темноте бесшумно скользили тени — бойцы Лиги культиваторов выполняли свою работу. В наушниках один за другим раздавались сухие доклады:

— Сектор Юго-Восток. Очаг устранён, пилюли уничтожены.

— Центр города. Чисто.

— Сектор Северо-Запад. Угроза ликвидирована.

—...

— Капитан Тан, докладываю: все опасные объекты полностью зачищены. Утечек нет.

Небо над городом медленно светлело. Первые лучи утреннего солнца скользнули по умытым дождём улицам Ляочэна, возвещая о начале нового мирного дня. Люди просыпались и спешили по своим делам, даже не подозревая о том, какая бездна едва не поглотила их этой ночью.

На самой вершине центральной часовой башни женщина с короткой стрижкой достала талисман связи. Её голос прозвучал устало, но спокойно:

— Шиси, в Ляочэне всё спокойно.

<http://bllate.org/book/19968/2001366>